
Volume 2/2010

Comparative Legilinguistics

International Journal for Legal
Communication

Institute of Linguistics
Faculty of Modern Languages and Literature
Adam Mickiewicz University
Poznań, Poland

Comparative Legilinguistics vol. 2/2010

**INSTITUTE OF LINGUISTICS
LABORATORY OF LEGILINGUISTICS**

www.lingualegis.amu.edu.pl

lingua.legis@gmail.com

KOMITET REDAKCYJNY/EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Jerzy Bańczerowski

Co-editor: Aleksandra Matulewska

Sekretarze/Assistants: Robert Bielecki, Swietlana Gaś, Karolina Gortych, Szymon Grzelak, Joanna Grzybek, Karolina Kaczmarek, Joanna Nowak, Paulina Nowak-Korcz

Członkowie/Members: Agnieszka Choduń, Ewa Kościakowska-Okońska, Larisa Krjukova, Artur Kubacki, Maria Teresa Lizisowa, Natalja Netšunajeva, Fernando Prieto Ramos, Feliks Zedler

Adres Redakcji/Editorial Office
Instytut Językoznawstwa
Pracownia Legilingwistyki
Al. Niepodległości 4, pok. 218B
61-874 Poznań, Poland
lingua.legis@gmail.com

Wydanie publikacji dofinansował Instytut Językoznawstwa
The issue has been published with financial grant from the Institute of Linguistics,
Poland.

Copyright by Institute of Linguistics

Printed in Poland

ISSN 2080-5926

Nakład 100 Egz.

Redakcja i skład: Pracownia Legilingwistyki
Druk: Zakład Graficzny Uniwersytetu im. A. Mickiewicza

TABLE OF CONTENTS

Comparative Legilinguistics	7
Preface	9

ARTICLES

1. Linguistic Rights and Legal Communication	
Montserrat CUNILLERA, Joëlle REY (Spain), Strategies argumentatives et attitude du locuteur dans les arrêts de la cour de cassation française et du <i>tribunal supremo</i> espagnol: une analyse contrastive	11
Sara PENNICINO (Italy), Legal Reasonableness and the Need for a Linguistic Approach in Comparative Constitutional Law	23
2. Sworn Translation and Court Interpreting	
Ewa KOŚCIALKOWSKA-OKOŃSKA (Poland), Interpreters in the Courtroom: the Importance of Competence and Quality	39
3. Legal Language and Terminology	
Swietlana GAŚ (Poland) Польская и русская дипломатическая терминология: эквивалентность в словаре и тексте (на примере двухсловных терминосочетаний)	49
Anna KIZIŃSKA (Poland), Polysemy in Contracts Establishing an Employment Relationship under the Law of England and Wales – A Case Study	57
Maria Teresa LIZISOWA (Poland), Sign character of the exponents of modality in a legal text	67
Aleksandra MATULEWSKA (Poland), Deontic Modality and Modals in the Language of Contracts.	75
Joanna NOWAK (Poland), Lunfardo lexical units related to legal matters	93
Antonios E. PLATSAS (UK), Making our Law Students Comprehend Foreign Legal Terminology: The Quest for Identifying Function, Context, the Semainon and the Semainomenon in the Teaching of Comparative Law	105
Anna SKOROFATOVA (Ukraine), Правовое и метазыковое сознание будущих правоохранителей	119
Tanja WISSIK (Austria), German legal terminology in the area of higher education – between national varieties and the use of English	127
Tzung-Mou WU (Taiwan), Lost in Translation: the Verbal Change	141

4. Legal Translation

Annarita FELICI (Italy), Translating EU law: a new perspective to the paradox of multilingualism	153
Frederic HOUBERT (France), <i>Caught in the web of the law</i> le traducteur juridique face à la métaphore	167
Nina ISOLAHTI (Finlandia), Метомарфозы языковой личности говорящего при переводе судебного допроса	183
Alenka KOCBEK (Slovenia) Kann Man Rechtstexte kulturell einbetten?	199

REVIEW

The long-felt need of a legal translation textbook: review of <i>Przekład prawny i sądowy</i> by Anna Jopek-Bosiacka (reviewed by Łucja Biel)	211
---	------------

TABLE OF CONTENTS

Comparative Legilinguistics	7
Wprowadzenie	9

ARTYKUŁY

5. Komunikacja w prawie	
Montserrat CUNILLERA, Joëlle REY (Hiszpania), Strategie argumentatywne i postawa lokutora w wyrokach sądów najwyższych Francji i Hiszpanii	11
Sara PENNICINO (Włochy), Słuszność prawa i potrzeba analizy językoznawczej w komparatystyce prawa konstytucyjnego	23
6. Tłumaczenie poświadczone i sądowe	
Ewa KOŚCIAŁKOWSKA-OKOŃSKA (Polska), Wpływ umiejętności tłumacza sądowego na jakość przekładu	39
7. Język prawa i terminologia prawna	
Swietlana GAŚ (Polska), Polska i rosyjska terminologia dyplomatyczna: ekwiwalencja słownikowa a ekwiwalencja tekstowa (na przykładzie wyrażen dwuczłonowych)	49
Anna KIZIŃSKA (Polska), Polisemia w angielskich i walijskich umowach o pracę – studium przypadku	57
Maria Teresa LIZISOWA (Polska), Znakowy charakter wykładników modalności w tekście prawnym	67
Aleksandra MATULEWSKA (Polska), Modalność deontyczna i wykładniki modalności w języku umów	75
Joanna NOWAK (Polska), Jednostki leksykalne <i>lunfardo</i> dotyczące prawa	93
Antonios E. PLATSAS (Wielka Brytania), Η Αντίληψη Ξένης Νομικής Ορολογίας από τους Φοιτητές Νομικής: Η Αναζήτηση Λειτουργίας, Πλαισίου και Σημαινοντος και Σημαιομένου στη Διδασκαλία του Συγκριτικού Δικαίου	105
Anna SKOROFATOVA (Ukraina), Świadomość prawna i metajęzykowa przyszłych stróży prawa	119
Tanja WISSIK (Austria), Niemiecka terminologia prawnicza w dziedzinie szkolnictwa wyższego – warianty narodowe a język angielski	127
Tzung-Mou WU (Taiwan), Utracone w przekładzie: zmiana werbalna z <i>osobistości</i> w <i>osobę</i>	141
8. Przekład prawniczy	
Annarita FELICI (Włochy), Przekład prawa unijnego: nowe perspektywy paradoksu wielojęzyczności	153

Comparative Legilinguistics vol. 2/2010

Frederic HOUBERT (Francja), <i>W sidiach prawa</i> : tłumacz prawniczy w obliczu metafor	167
Nina ISOLAHTI (Finlandia), Metamorfozy leksykalnych wlasciwosci mowy w tłumaczeniu przesluchania sadowego	183
Alenka KOCBEK (Slovenia) Can legal texts be culturally embedded?	199

RECENZJA

Długo wyczekiwany podręcznik przekładu prawniczego: recenzja książki <i>Przekład prawny i sądowy</i> Anny Jopek-Bosiackiej (Łucja Biel)	211
---	------------

МЕТАМОРФОЗЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО ПРИ ПЕРЕВОДЕ СУДЕБНОГО ДОПРОСА

Нина .Б. ИСОЛАХТИ

Тамперский университет, Тампере, Финляндия
nina.isolahti@uta.fi

Abstract: The article deals with the speaker's lexicon features during court interpretation. The study is based on the transcripts of the authentic interpreter mediated court investigations and analyzed using a corpus analytical approach.

The analysis of the data shows, that interpreters strive to be loyal to the juristic macrocontext and the situation in which conversation takes place. That might lead to the wrong understanding of the identity (personality) of the speaker by the recipient. The overemphasizing of the features of speakers idiolect might lead to major misrepresentation of the information that was in the source message. The interpreter's endeavor of using special juristic terms might also complicate communication process.

Аннотация: Принято считать, что судебный перевод должен быть точным и передавать все нюансы исходного сообщения, включая стиль и регистр речи говорящего, акцентное выделение, громкость и экспрессивность высказывания, паузы, а также экстралингвистические элементы сообщения (см. Driesen 1992; González, Vásquez & Mikkelsen 1991: 16, 272; Hale 2004: 8–9; Mikkelsen 2000: 50, 61; Moeketsin 1999: 100). В выступлении коснусь вопроса передачи особенностей лексикона говорящего при переводе судебного допроса. Передача лексических особенностей речи может быть важна по двум причинам. Во-первых, формулировка вопроса, выбор используемых при этом слов и терминов может быть сознательным и тщательно продуманным стратегическим ходом адвоката или прокурора (см. Colin & Morris 1996: 21; Kiesiläinen & Niemi-Kiesiläinen 2000: 190.) Определенный выбор слов может даже применяться для манипуляции памятью свидетеля или служить средством для введения его в заблуждение (Naarasalo 2000: 58). Допрашиваемый, отвечая на заданный ему вопрос, может сознательно подбирать те или иные слова или выражения, наиболее оптимально отвечающие его видению происходящего. Во-вторых, особенности речи допрашиваемого, в том числе и лексики, создает у слушающих, и в первую очередь у членов суда, определенное объективное или субъективное представление о личности говорящего и о правдивости его показаний. Такие представления могут иметь значение при оценке доказательств и вынесении решения по делу. В качестве материала исследования используются аутентичные переводы судебных допросов, выполненных в языковой паре финский-русский. Аудиозаписи переводов транскрибированы, аннотированы и сохранены в корпусе устного перевода CIC (Corpus of Court Interpreting at the University of Tampere), созданного на кафедре перевода русского языка Института современных языков и переводоведения Тамперского университета (Финляндия). В докладе будут рассмотрены две категории лексических единиц – разговорные слова и выражения и специальные юридические термины. Результаты корпусного исследования дают основания полагать, что переводчики систематически изменяют регистр речи, используемый говорящим. При переводе разговорная, подчас несколько сниженная лексика нормализуется, а термины, в свою очередь, нередко

заменяются неспециальными выражениями или опускаются. Полагаю, что переводчик неосознанно стремится передавать сообщения общедоступным, литературным языком и потому сглаживает использование нестандартной лексики.

Введение

Настоящая статья посвящена передаче особенностей языковой личности говорящего при переводе допроса подсудимого или свидетеля в суде. Для оценки достоверности показаний важно, чтобы суд получил сообщение на языке перевода именно таким, каким говорящий это сообщение сформулировал в исходном языке. Поэтому принято считать, что судебный перевод должен быть точным и передавать все нюансы исходного сообщения, включая стиль и регистр речи говорящего, акцентное выделение, громкость и экспрессивность высказывания, паузы, а также экстралингвистические элементы сообщения (см. Driesen 1992; González, Vásquez & Mikkelsen 1991: 16, 272; Hale 2004: 8–9; Mikkelsen 2000: 50, 61; Moeketsin 1999: 100).

Нередко вопрос соответствия исходного сообщения и его перевода рассматривается на уровне сравнения и сопоставления лексических единиц (напр. Barik 2002; Lee 1999; V. Dam 2002). В таких исследованиях изучение устного перевода сводится к сопоставлению оригинала и перевода и поиску ошибок, добавлений и опущений. В основе такого анализа лежат принципы лингвистической эквивалентности (Gile 1992: 188) и не учитываются коммуникативные и прагматические аспекты. В свете современного переводоведения такой подход представляется несколько наивным (Setton & Motta 2007: 204). Автор настоящей статьи также считает утопичным и нецелесообразным стремление к межязыковому соответствию на уровне лексических единиц. Однако при переводе судебного допроса мы вынуждены уделять внимание переводу отдельных слов и передаче **лексических особенностей речи** по нескольким причинам:

1) Формулировка вопроса, выбор используемых при этом слов и терминов может быть сознательным и тщательно продуманным стратегическим ходом адвоката или прокурора (см. Colin & Morris 1996: 21; Kiesiläinen & Niemi-Kiesiläinen 2000: 190.)

2) Специалисты в области психологии судебного допроса полагают, что определенный выбор слов может применяться для манипуляции памятью свидетеля или служить средством для введения его в заблуждение (Haapasalo 2000: 58).

3) Допрашиваемый, отвечая на заданный ему вопрос, может сознательно подбирать те или иные слова или выражения, наиболее оптимально отвечающие его видению происходящего.

4) Особенность речи допрашиваемого, в том числе и лексики, создает у слушающих, и в первую очередь у членов суда, определенное объективное или субъективное представление о личности говорящего и о правдивости его показаний (Colin & Morris 1996: 21). Такие представления могут иметь значение при оценке доказательств и вынесении решения по делу.

Материалы и ход исследования

В качестве материала исследования используются аутентичные переводы судебных допросов, выполненных в языковой паре финский-русский. В настоящее время коллекция содержит около 20 часов аудиозаписей с участием 6 разных переводчиков. Часть аудиозаписей переводов транскрибирована, аннотирована и добавлена в корпус устного перевода CIC (Corpus of Court Interpreting at the University of Tampere)⁷⁰, созданный на кафедре перевода русского языка Института современных языков и переводоведения Тамперского университета (Финляндия). База данных содержит транскрипты 8 допросов, в которых работало 4 разных переводчика, общая продолжительность транскрибированных записей примерно 4 часа 20 минут. Объем корпуса 38.574 словоупотребления. Для поиска и обработки данных разработано специальное веб-приложение (Tampere University Corpus Tools, TACT)⁷¹.

В исследовании, представляемом в данной статье, использован метод корпусного анализа. На первом этапе в базе данных (в корпусе) был произведен поиск и отбор интересующих нас лексических единиц. Из частотных списков лексических единиц были выбраны ненормативные слова и выражения и специальные юридические термины и выражения или их фрагменты. Первоначальная выборка производилась отдельно из частотного списка финского и русского языков. На втором этапе все найденные кандидаты проверялись по словарям и в ближайшем контексте на предмет того, относятся ли они к искомым группам слов. При проверке ненормативных выражений использовались следующие словари: "Словарь-тезаурус современной русской идиоматики" (2008), "Толковый словарь русского языка" (1997), "Словарь молодежного слэнга", "Словарь молодежного слэнга Словоново" и словарь современного финского языка "Nykysoomen sanakirja" (1990). При отборе юридических слов и выражений использовались Сравнительный корпус текстов законов Финляндии и Российской Федерации FiRuLex (Comparable Russian-Finnish Corpus of Legal Texts)⁷² и "Юридическая энциклопедия" (2002).

К категории "ненормативные слова и выражения" были отнесены следующие кандидаты:

- слова и выражения, отмеченные в словарях как просторечные, устаревшие, диалектные, грубые, жаргонные, например, *мужик*, *kännykkä* 'мобильник, мобила, труба', *довести кого-либо*;
- различные грубые выражения, например, *убирайся отсюда*;

---

⁷⁰ Электронная база размещена и администрируется на сервере Института современных языков и переводоведения Университета Тампере <https://mustikka.uta.fi/spoken/>. Допуск на сервер ограничен.

⁷¹ Архитектура корпуса описана Михайлов & Исолахти 2008.

⁷² Корпус текстов размещен и администрируется на сервере Института современных языков и переводоведения университета Тампере <https://mustikka.uta.fi/corpora>.

- выражения молодежного слэнга, слова, вероятно, заимствованные, которых нет в словарях русского языка, например, *бадега*⁷³, *полицист*;
- слова специальных регистров, использованные в нетипичном для них, разговорном несколько сниженном регистре, например, *из-за всей этой эскапады*;
- уменьшительные формы, например, *мои девчонки*.

На следующем этапе исследования было проверено, в речи кого из участников встречаются найденные слова или выражения и изучен их перевод. Результаты были занесены в сводную таблицу для подсчета.

Сравнение лексикона юристов и подсудимых

Лексикон, используемый говорящим, отражает его социальную и профессиональную принадлежность, иерархическое положение и его личные персональные качества. Мы можем говорить о т.н. языковой личности говорящего. Данная проблематика исследовалась в области художественного перевода, однако в сфере судебного перевода передача особенностей языковой личности говорящего изучалась абсолютно недостаточно.

Как можно было предположить, лексикон, используемый юристами, отличается от лексикона подсудимых. Речь юристов содержит гораздо больше терминов, чем речь подсудимых, и соответственно юристы используют многим меньше ненормативных, сниженных выражений. На схеме 1 представлено использование говорящими в своей речи ненормативной лексики и слов и выражений, являющихся юридическими терминами. Данные отражают относительные частотности (фреквенции) использования исследуемых единиц на 1 тыс. слов. На схеме темным цветом отмечены показатели использования ненормативной лексики, а светлым - специальной юридической терминологии. Говорящие обозначены следующим образом: неспециалисты - То = свидетель, V, V1, V2, V3, V4 и V5 = подсудимые; юристы - S, S1, S2 и S3 = государственные обвинители, ЕаО, EV3, EV4, EV5 и EX = защитники (адвокаты). Схема 1 наглядно показывает, что юристы используют в сравнении с неспециалистами юридической сферы (подсудимыми и свидетелем) значительно больше терминов и выражений, относящихся к профессиональному юридическому лексикону, и соответственно практически не используют в своей речи ненормативную лексику.

---

⁷³ Согласно "Словарю молодежного слэнга Словоново" слово *бадега* используется для определения питейного заведения с сомнительной репутацией. Синонимами являются *трактир, корчма, тошиловка, винарка, наливайка, бар*. Слово заимствовано из испанского *bodega* – винный погреб, склад.

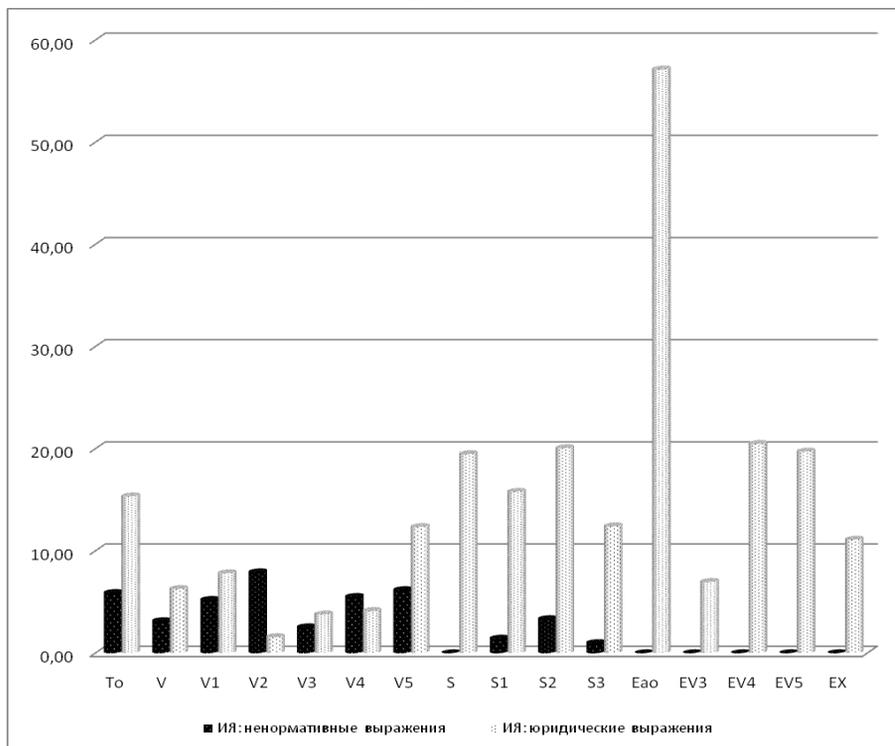

Схема 1. Использование говорящими ненормативной и юридической лексики

Межъязыковые метаморфозы

Каким же языком ”говорит” переводчик? Усвоил ли он особенности юридической речи? Отображает ли перевод все особенности языка допрашиваемого? Исследование показывает, что переводчики стремятся использовать нормативную лексику и говорить на литературном языке. Более того, переводчики стараются **адаптировать перевод к ситуационному контексту**, т.е. в данном случае к контексту юридического языка, для которого характерно использование специальной терминологии. Анализ показал следующие особенности:

1) Обычные **выражения нормативного языка** в переводе могут заменяться **терминами и юридическими выражениями**. Например, *paperit* ’бумаги’ превращались в *документы*, *tarina* ’история’ – в *показания*, *rojan pankkiasiat* ’банковские дела сына’ – в *финансовые вопросы сына*. В материалах исследования найдены лишь единичные случаи, когда нормативная речь при переводе была заменена более сниженными выражениями.

2) Используемые говорящим **ненормативные** выражения изменяются при переводе следующим образом

а) Ненормативные выражения могут при переводе **заменяться терминами** или нейтральной лексикой. В таблице 1 представлено несколько примеров такого изменения регистра. В левом столбце представлены отдельные отрывки из речи допрашиваемых, а в правом столбце - их перевод. В полукавычках (' ') приведены поясняющие переводы выражений, сделанные автором статьи.

Таблица 1: *Примеры замены ненормативных выражений терминами и/или нормативной речью*

ИЯ)	Исходный язык (в дальнейшем)	Язык перевода (в дальнейшем)	ЯП)
	она просто мошенница	hän (0.5) petoksella (0.3) sitä (0.2) tilannetta aiheuttanut 'она создала эту ситуацию путем мошенничества'	
	из-за (1.0) (ее ~0.8) всей этой эскапады	koko tämän asian takia 'из-за всего этого дела'	
	mikäli olisin kiinnostunut tästä hommasta 'если бы меня интересовало это дельце'	если бы меня заинтересовало это хобби	

б) Переводчик также **опускает или обходит** ненормативные или сниженные выражения.

По результатам исследования можно говорить, что лишь в редких случаях ненормативные выражения переводятся оборотами соответствующего регистра. В таблице 2 приведены абсолютные фреквенции таких сниженных выражений, использованных в речи говорящих, и их перевод. Темным цветом на схеме отмечены ненормативные выражения в исходных сообщениях, а светлым - их соответствия в переводе. Например, подсудимый 2 (V2) использовал в своей речи 10 сниженных выражений, из которых лишь 2 были переданы при переводе выражениями соответствующего регистра.

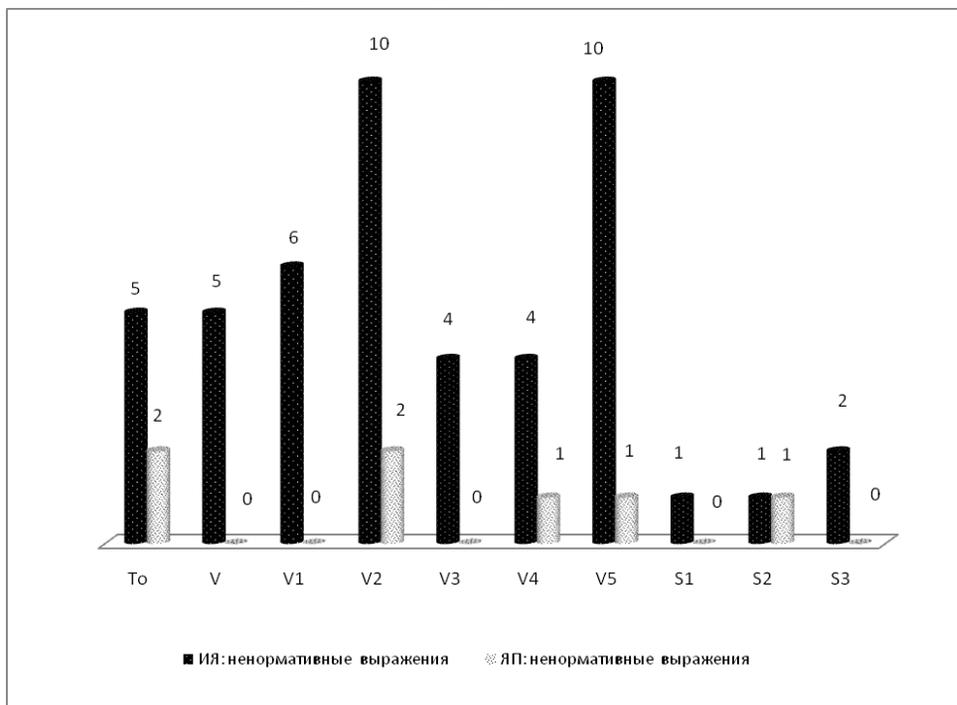

Схема 2: *Ненормативно-разговорные выражения и их перевод (абсолютная частотность)*

Сленговое выражение может быть незнакомо переводчику, и он вынужден выяснять значение такого выражения, как в примере 1. Подсудимый рассказывает, что он владеет питейным заведением с сомнительной репутацией *бадегой*⁷⁴ (см. реплика 1). Слово незнакомо переводчику, и он выясняет его значение (см. реплика 2). Подсудимому сложно объяснить значение данного слова, на что указывают различные маркеры хезитации - паузы, заполненные паузы, неоконченные слова (см. реплика 3). В результате подсудимый объясняет, что *бадега* – это специфический винный и деликатесный магазин. Используемое подсудимым выражение *специфический магазин* указывает именно на то, что речь не идет о деликатесном магазине в обыденном, традиционном понимании такого

⁷⁴ bodega (исп.) — погреб, кабак; также виноделие, сбор винограда; в приморских гаванях — склад товаров; на кораблях — пространство под фордеком

Определение слова "Бадега" по электронному словарю молодежного слэнга Словоново (<http://slovonovo.ru/>)

Общее определение питейного заведения с сомнительной репутацией.

Да вчера зависали с парнями в местной бадеге.

Одесский слэнг: бадега - заведение, именуемое в России трактиром, на Украине - корчмой, а также тошиловкой, винаркой, наливайкой, баром.

предприятия. Таким образом, в переводе не передается особенность выражения *бадега*, и слушатель получает искаженное представление о заведении, которым владеет подсудимый (см. реплика 4). В переводе заведение с сомнительной репутацией получает более пристойное и аккуратное наименование - *винный и деликатесный магазин*.

Пример 1:

1 Подсудимый 1: (1.4) Вот (2.2) скажем (0.4) также у меня в P12 (0.9) (её ~0.3) есть (0.4) *бадега*

2 Переводчик 1: что это *бадега*

3 Подсудимый 1: *бадега* это как (её ~0.4) (mm ~0.5) (0.8) *вин-* (0.2) какой-то (0.5) специфический *винный* (.) и *деликатесный магазин*

4 Переводчик 1: *Samoin minulla on* (.) (её ~0.5) (0.7) (её ~0.4) P12:ssa *sellainen viini- ja herkkuuymälä*
'также у меня есть в P12 такой *винный* и *деликатесный магазин*'

Изменение регистра речи при переводе может привести к значительным **изменениям в передаваемой информации**, как это произошло в примере 2. Подсудимый рассказывает, что его каким-то образом принуждали к даче показаний, что ему было тяжело на допросе. Подсудимый использует при этом выражение *следователь мучил меня* (см. реплика 1). Глагол *мучить* имеет несколько соответствий в финском языке⁷⁵, в том числе *kiduttaa* 'пытать'. В исходном сообщении на русском языке выражение представляется несколько разговорным, во всяком случае, оно не имеет оттенка официального заявления о пытках, примененных к подсудимому на допросе. Переводчик же при переводе стремится быть лояльным ситуационному контексту и из всех возможных вариантов перевода слова *мучить* выбирает именно *kiduttaa* 'пытать', вероятно, как наиболее соответствующее официальному языку судебного допроса (см. реплика 2). Таким образом, адресаты в языке перевода получают информацию о том, что подсудимый подвергался пыткам на предварительном следствии (см. реплика 2), что вызывает незамедлительную реакцию, а именно дополнительный вопрос обвинителя с просьбой разъяснить, что подсудимый подразумевает под таким заявлением (см. реплика 3). Из-за первоначально неверно сделанного выбора переводчик сталкивается с проблемой перевода данного вопроса, который направлен на установление разницы между понятиями *пытка* (*kidutus*) и *оказание давления* (*painostus*) (см. реплика 4). Защитник, вероятно, осведомлен о ходе предварительного следствия и методах ведения допроса и потому поясняет, что его подзащитный не имел в виду пытки, как физическое или психическое насилие в целях вынудить показания (см. реплика 5). Переводчик опять в затруднительном

---

⁷⁵ Глаголу *мучить* могут в финском языке соответствовать следующие глаголы *ahdistaa* 'угнетать, жать, давить, докучать', *häiritä* 'беспокоить, волновать, тревожить, прерывать', *kalvaa* 'разъедать, подтачивать', *kiusata* 'изводить, дразнить, раздражать, досаждать', *rainaa* 'давить, тяготить, гнести', *raadella* 'рвать, терзать, разрывая', *gåäkätä* 'жестoko обращаться, истязать, пытать, терзать', *tuskastuttaa* 'изводить, раздражать, выводить из терпения', *vaiivata* 'беспокоить, тревожить, терзать' ja *kiduttaa* 'пытать, изводить' (MOT).

положении, когда пытается передать значение сказанного подсудимому (см. реплика 6).

Пример 2:

1 Подсудимый 5: (1.0) я уже сказал (.) что (0.4) мне (0.2) мне (0.2) следователь сказал (0.5) три раза признайся (0.7) и больше тебя **мучить** не буду (.) а я не хочу чтобы меня **мучили**

2 Переводчик 3: (0.5) ja kuten olen sanonut (.) tutkija sanoi (0.6) minulle (0.2) että minun pitää myöntää (0.2) kolme (0.6) kertaa (0.4) sen jälkeen hän ei enää kiduta minua (0.4) ja minä en halua että minua kidutetaan

‘и как я уже сказал следователь сказал мне что мне нужно признаться три раза и после этого он не будет больше **пытать** меня а я не хочу чтобы меня больше **пытали**’

3 Обвинитель 3: (1.4) kiduttaminen on kielletty kuulustelukeino (.) mitä te tarkoittatte täällä [/ kiduttamisella] kaikkennäköinen painostaminen on kiellettyä (.) mitä te tarkoittatte [nyt]

‘**пытки** – это запрещенный метод ведения допросов что вы понимаете под **пытками** любое оказание давления запрещено что вы имеете в виду сейчас’

4 Переводчик 3: [так как] (.) а что вы (0.4) хотите сказать **мучить** [и] (0.9) [давление /] (0.6) оказывание давления (.) запрещено на (ее ~0.5) допросах (.) что вы имеете ввиду

5 Защитник 5: (0.7) kun hän käyttää tämmöistä sanaa kidutus niin ei tietenkään tarkoita tällaista (.) mitä (1.1) [jossain muualla on käytettävissä &&& ei tarkoita tätä [ja]

‘когда он использует такое слово **пытки** он не подразумевает такого что где-то в других странах используют не подразумевает этого и’

6 Переводчик 3: [мучение это не оз- означает (ее ~0.6) [/ физических]] мучений

3) При переводе изменяются также термины.

а) Термины могут заменяться **нетерминологическими** выражениями. В примере 3 обвинитель использует юридический термин *takavarikoida* ‘изъять, конфисковать’ (см. реплика 1). При переводе термин заменен нетерминологическим выражением нормативного русского языка *найденны в квартире* (см. переводчик реплика 2). Замена термина нетерминологическим выражением также несколько исказила информацию. Из перевода неясно, что наркотические вещества были не только обнаружены в квартире, но и изъяты (временно конфискованы).

Пример 3:

1 Обвинитель 2: mistä ovat peräisin (0.3) ne huumausaineet mitä teidän asunnoltanne (0.7) **takavarikoitiin**
‘каково происхождение этих наркотических веществ которые были **изъяты/конфискованы** в вашей квартире’

2 Переводчик: откуда (.) у вас взялись эти наркотические средства которые были **найденны** (0.2) в вашей квартире

б) Переводчик может прибегать к методу **описательного перевода**, т.е. **объяснять** значение понятия, скрывающегося за термином. Например, при

переводе названия муниципального органа *kaupunginhallituksen talousosasto* ‘экономический отдел городского правления’ переводчик прибегает к приему такого описательного перевода *муниципальный отдел, владеющий жильем*.

в) При переводе могут быть использованы **иные термины**, например, может применяться прием **генерализации** (переход от видового понятия к родовому) или наоборот. *valtakirja* ‘доверенность’ заменен термином *dokumentti*, *esitutkinta* ‘предварительное следствие’ – *допрос*.

г) Термин или целый фрагмент высказывания, содержащий термин, могут быть **опущены** при переводе.

Интересно отметить, что хотя переводчики используют профессиональную юридическую терминологию, они не пользуются профессиональным языком юристов в полном объеме. Термины и идиоматические выражения, используемые переводчиками, отличаются от языка юристов. Нагляднее всего это видно в процессуальной терминологии. Например, юристы всегда используют термин *avustaja* ‘представитель’ – переводчики *asianajaja* ‘адвокат’ и при обсуждении вопросов, касающихся предварительного следствия, юристы используют выражение: *esitutkinnassa kerroitte* ‘на предварительном следствии Вы показали’, *esitutkinnassa teiltä kysyttiin* ‘на предварительном следствии Вам был задан вопрос’. Переводчики используют выражение *tutkinnassa, tutkija kysyi* ‘при исследовании следователь спросил’, и данное выражение никогда в речи юристов не встречается.

Как было представлено выше, при устном переводе происходят различные метаморфозы отдельных слов и выражений. Для воссоздания картины передачи особенностей языковой личности говорящего в коммуникативной ситуации в целом, а не в пределах отдельных реплик, был произведен сравнительный анализ по каждому говорящему. В анализе были сопоставлены относительные частотности ненормативных слов по всем репликам каждого говорящего с относительными частотностями тех же единиц в переводе их речи. Аналогичный сравнительный анализ был выполнен в отношении терминов. На схеме 3 темным обозначены относительные частотности ненормативных выражений по каждому говорящему, а светлым – в переводе речи этих же говорящих. Из схемы 3 можно заметить, что стиль коммуникации, происходящей на ИЯ, изменяется в ЯП таким образом, что насыщенность речи в переводе ненормативными единицами, как правило, уменьшается.

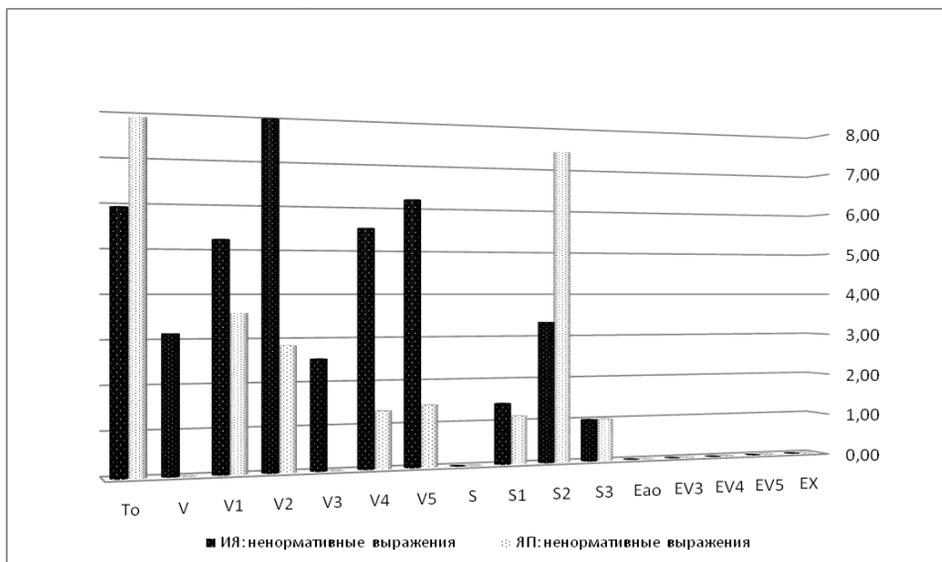

Схема 3: Сравнение относительных частот ненормативных выражений в речи говорящих и в переводе их речи

На схеме 4 темным обозначены относительные частоты юридических терминов по каждому говорящему, а светлым – в переводе речи этих же говорящих. На схеме 4 явно просматривается, что в переводе насыщенность терминами чаще всего остается на прежнем уровне или возрастает в сравнении с исходным сообщением.

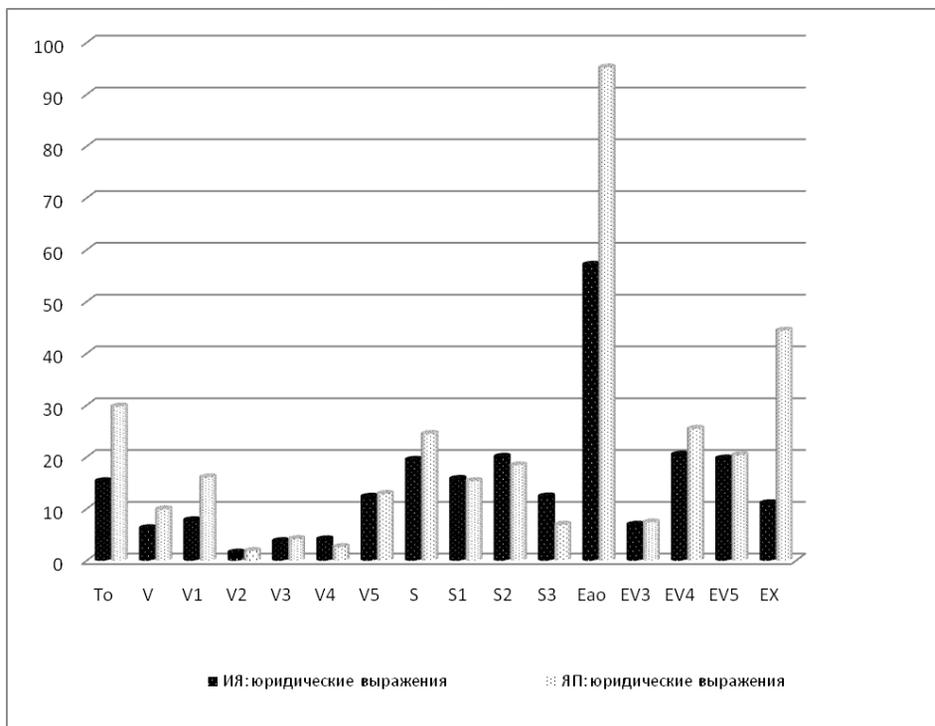

Схема 4: Сравнение относительных фреквенций юридических терминов в речи говорящих и в переводе их речи

Итак, особенности языковой личности говорящего, идиолекта, изменяются таким образом, что речь подсудимых в языке перевода становится более грамотной, литературной. В качестве наглядного подтверждения сказанного сравним содержание терминов и ненормативной лексики в речи одного из подсудимых и в переводе его речи. На схеме 5 изображено соотношение относительных фреквенций использования подсудимым V1 терминов и ненормативных выражений. Темным цветом обозначена относительная частота единиц ненормативной лексики в речи говорящего, а светлым цветом - юридической терминологии. На схеме 6 изображено соответственно соотношение частотностей в переводе речи данного подсудимого, т.е. в той речи, которую слышит адресат перевода, в данном случае члены суда, прокурор, защитники.

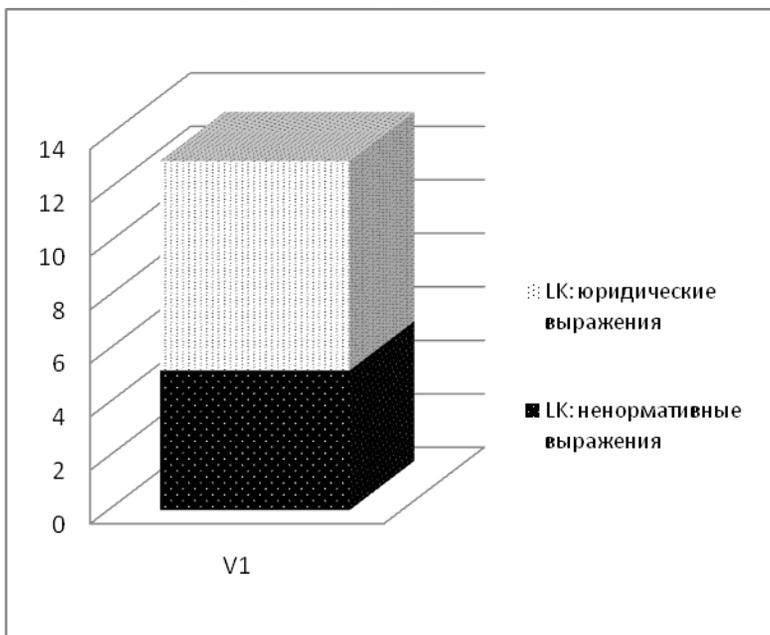

Схема 5: Соотношение относительных фреквенций терминов и ненормативных выражений, использованных подсудимым V1

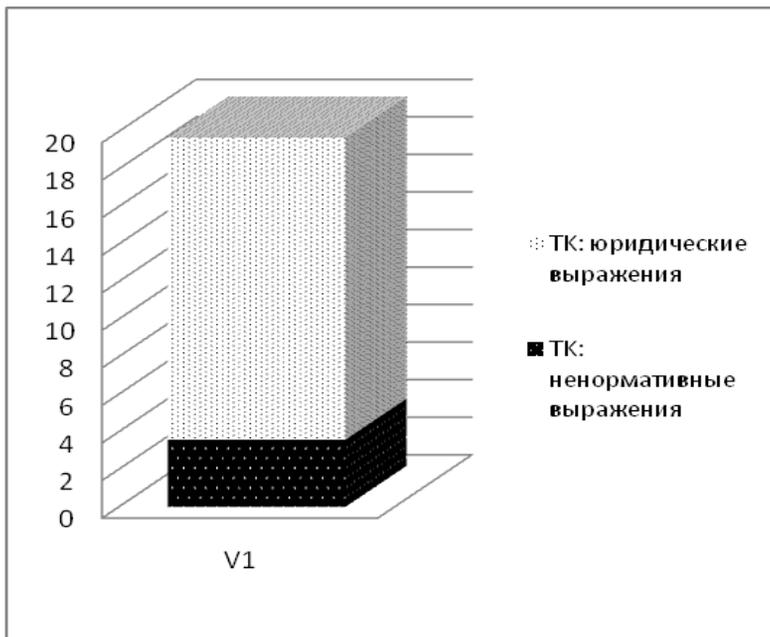

Схема 6: Соотношение относительных фреквенций терминов и ненормативных выражений, в переводе подсудимого VI

Сравнив схемы 5 и 6, можно убедиться, что перевод не отражает особенностей языкового профиля говорящего. В переводе речь говорящего становится более культурной, в ней значительно увеличивается содержание юридических терминов, а количество ненормативных элементов снижается.

Выводы

В коммуникативной ситуации, происходящей в зале суда переводчик стремится быть **лояльным юридическому макроконтексту**, ситуации, в которой происходит коммуникация. Переводчик не упрощает речь юристов для подсудимых, не уменьшает насыщенность речи юристов терминами. Наоборот, переводчик сглаживает ненормативные, нестандартные, сленговые выражения, заменяя их литературными выражениями. Более того, переводчик дополнительно насыщает перевод юридическими терминами, замещающими как ненормативно-разговорные выражения, так и обычные выражения нормативной речи.

Роль переводчика нельзя сводить к роли посредника, транзистора речи, автоматически перекодирующего сообщение из одного языка в другой. Исследование показывает, что перевод может изменять картину языковой личности говорящего, а это может привести к тому, что у слушающего сложится недостоверное представление о говорящем и/или изменится в лучшую или в худшую сторону впечатление о достоверности показаний допрашиваемого. Переводчик может неосознанно (реже осознанно) упростить или усложнить коммуникацию, например, используя большое количество специальных юридических терминов. Перевод может также изменить, а в некоторых случаях существенно исказить информацию, содержащуюся в сообщении.

Подводя итог сказанному, автор настоящей статьи хочет обратить внимание переводчиков-практиков, преподавателей и студентов переводоведческих специальностей на необходимость внимательного отношения к передаче особенностей лексики говорящего, стиля и манеры его речи. Стремление переводчика быть лояльным юридическому контексту, придерживаться делового стиля, в любой ситуации говорить правильным литературным языком не всегда соответствует требованию точного, передающего все нюансы исходного сообщения, перевода.

Литература:

- Barik, Henri C. 2002. Qualitative and linguistic data. В сборнике: Franz Pöchhacker & Miriam Shlesinger (ред.). *The Interpreting Studies Reader*. London and New York: Routledge. 78 -91.
- Berk-Seligson, Susan 2002. Impact on politeness. В сборнике: Franz Pöchhacker & Miriam Shlesinger (ред.). *The Interpreting Studies Reader*. London and New York: Routledge. 278–292.

- Colin, Joan & Morris, Ruth 1996. *Interpreters and the legal process*. Winchester : Waterside Press.
- Driesen Christine 1992. Status und Funktion des Gerichtsdolmetschers/-übersetzers in Deutschland. *Mitteilungsblatt: Österreicher Übersetzer- und Dolmetscherverband "UNIVERSITAS"*. 1992:1, 7–13.
- Gile, Daniel 1992. Basic theoretical components for interpreter and translator training. В сборнике: Cay Dollerup and Anne Loddegaard (ред.) *Teaching translation and interpreting : training, talent and experience: papers from the First Language International Conference, Elsinore, Denmark, 31 May-2 June 1991*. Amsterdam : Benjamin. 185–193.
- González, Roseann Dueñas, Vásquez Victoria F. & Mikkelson, Holly 1991. *Fundamentals of Court Interpretation. Theory, Policy, and Practice*. Durham, North Carolina: Carolina Academic Press.
- Haapasalo, Jaana 2000. Todistajanpsykologia. В сборнике: Jaana Haapasalo, Kari Kiesiläinen & Johanna Niemi-Kiesiläinen. *Todistajanpsykologia ja todistajankuulustelu*. Helsinki: KAUPPAKAARI Lakimiesliiton Kustannus.
- Hale, Sandra Beatriz 2004. *The Discourse of Court Interpreting. Discourse practices of the law, the witness and the interpreter*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Kiesiläinen, Kari & Niemi-Kiesiläinen, Johanna 2000. Todistajankuulustelu oikeudenkäynnissä. В сборнике: Jaana Haapasalo, Kari Kiesiläinen & Johanna Niemi-Kiesiläinen. *Todistajanpsykologia ja todistajankuulustelu*. Helsinki: KAUPPAKAARI Lakimiesliiton Kustannus.
- Mikkelson, Holly 2000. *Introduction to Court Interpreting*. Manchester, UK & Northampton MA: St. Jerome.
- Moeketsi, Rosemary H. 1999. *Discourse in a Multilingual and Multicultural Courtroom: A Court Interpreter's Guide*. Pretoria: van Schaik.
- Setton, Robin & Motta, Manuela 2007. Syntacrobatics. Quality and reformulation in simultaneous-with-text. *Interpreting: International Journal of Research & Practice in Interpreting*. 2007, Vol. 9 Issue 2. 199–230,
- V. Dam, Helle 2002. Lexical similarity vs lexical dissimilarity in consecutive interpreting. A product-oriented study of form-based vs meaning based interpreting. В сборнике: Franz Pöchhacker & Miriam Shlesinger (ред.). *The Interpreting Studies Reader*. London and New York: Routledge. 266 – 277.
- Михайлов М.Н. & Исолахти Н.Б. 2008. Корпус устных переводов как новый тип корпуса текстов. В сборнике Кибрик А.Е. (ред.). *Материалы международной конференции "Диалог 2008": Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Москва: RRGU, 7:14. 376–381. <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/html/58.htm>. [6.8.2009].
- Nykysuomen sanakirja* 1990. Matti Sadeniemi (гл. ред.). Suomalainen kirjallisuuden seura. Porvoo: WSOY. Части I-III.
- Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. 2008. Баранов А.Н. & Добровольский Д.О. (ред.). Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Москва: Мир Энциклопедий.

Comparative Legilinguistics vol. 2/2010

Толковый словарь русского языка. 1992. Ожегов С.И. & Шведова Н.Ю. (ред.)
Институт русского языка им. В.В. Виноградова.. РАН. Москва: Азбуковик.
Юридическая энциклопедия 2002. Тихомирова Л.В. & Тихомиров М.Ю. (ред.).
Москва: Издание господина Тихомирова.

Электронные источники:

Корпус устного перевода CIC = *Corpus of Court Interpreting at the University of Tampere.* <https://mustikka.uta.fi/spoken/>. [19.10.2009]

Финско-русский электронный словарь *MOT Venäjä 1.0a 2008.*
<http://mot.kielikone.fi/mot/uta/netmot.exe>. [19.10.2009]

Словарь молодежного слэнга. <http://teenslang.su/>. [19.10.2009]

Словарь молодежного слэнга Словоново. Saataavissa: <http://slovonovo.ru/>.
[19.10.2009]

Сравнительный корпус текстов законов Финляндии и Российской Федерации
FiRuLex = *Comparable Russian-Finnish Corpus of Legal Texts.*
<https://mustikka.uta.fi/corpora/>. [19.10.2009]

Условные обозначения в транскрипции

- (.) пауза короче, чем 0,2 секунды;
- (0.9) пауза 0,2 секунды или длиннее, и ее длина;
- (е ~0.9) заполненная пауза и ее длина (сек.);
- [ ] наложение реплик (начало и окончание одновременной речи);
- sa- недоговоренное слово;
- &&& неразборчивое слово или фраза.

Условные обозначения сведений, изымаемых из текста

P12 название населенного пункта